

©2023 Т.З. АДАМЬЯНЦ

ПОНИМАНИЕ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ КАК МЕНТАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ



Адамыянц Тамара Завеновна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник.
Институт социологии ФНИСЦ РАН.
Российская Федерация, 117218 Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5.
ORCID: 0000-0002-3911-2769
tamara-adamiants@yandex.ru

Аннотация. В центре внимания — ментальные технологии (приемы, способы, навыки), которые использует сознание (ум) для понимания в сфере социальной коммуникации. В соответствии с ключевыми положениями семиосоциопсихологической концепции, в русле которой проводилось исследование, успешность понимания в сфере социальной коммуникации связывается с такими технологиями, которые позволяют «видеть» в любом целостном, завершенном коммуникативном акте латентные многоуровневые структуры, вершиной которых является авторская интенция, или константный смысл. Проведенная на протяжении нескольких десятилетий серия исследований с использованием метода мотивационно-целевого анализа позволила обозначить параметры групп людей, различающихся качеством понимания константных смыслов при восприятии целостных, завершенных произведений. Обнаружена также взаимосвязь между качеством понимания интенции автора и виртуальными формами, посредством которых сознание «осваивает» воспринимаемое произведение: от широко распространенных линейных до более редких многоуровневых, объемных. Зафиксированный

факт разного качества понимания в сфере социальной коммуникации позволил провести аналогию с теорией коллективного бессознательно-го и феноменом архетипов в трактовке Г.К. Юнга. В обществе действительно «живут» различные ментальные технологии, которые используют большие группы людей, что влияет на особенности их социализации и социальной адаптации и в целом на тенденции и вектор социально значимых процессов. Благодаря разработкам российской академической науки навыки понимания в сфере социальной коммуникации поддаются совершенствованию, проведенные эксперименты показывают положительную динамику.

Ключевые слова: понимание, социальная коммуникация, смысл, семиосоциопсихология, интенция, метод мотивационно-целевого анализа, ментальные технологии, сознание, архетипы Юнга, социальная адаптация.

Ссылка для цитирования: Адамьянц Т.З. Понимание в сфере социальной коммуникации как ментальная технология // Человек. 2023. Т. 34, № 1. С. 51–67. DOI: 10.31857/S023620070024827-6

Умение понимать — одно из ключевых, особо ценимых личностных качеств, свойственное в первую очередь тем, кто снискал в общественном мнении статус умных, талантливых, а тем более гениальных. Понимание, как известно, — главная функция сознания (свойство ума, качество менталитета): все процессы, связанные с пониманием, представляют собой попытки ментального продвижения к смыслу: «Понимание — процедура постижения или порождения смысла» [Абушенко, 2003: 755].

Проблемы понимания привлекали и привлекают внимание многих ученых. Приведем имена тех мыслителей, чьи идеи, наблюдения и выводы были ценными при работе над настоящей статьей. Прежде всего, это древнегреческие философы Аристотель, Гераклит, Платон, Плотин. Средневековый период и эпоха Возрождения в нашем кратком перечне представлены именами Фомы Аквинского, Фрэнсиса Бэкона, Иммануила Канта. К XIX–XXI векам внимание исследователей сосредоточилось преимущественно на изучении взаимосвязей и взаимовлияний между феноменами «понимание», «смысл» и «социальные процессы». Среди представителей западной науки обозначенного периода назовем Дж. Александера [Александр и др., 2010], В. Дильтея [Дильтей, 1996], Э. Гуссерля [Гуссерль, 1994], М. Вебера [Вебер, 1990], Н. Лумана [Луман, 2004], П. Рикера [Рикер, 2008], А. Шюца [Шюц, 2004]; российскую науку в нашем перечне представляют Т.М. Дридзе [Дридзе, 1984], В.В. Знаков [Знаков, 2007], А.Н. Леонтьев [Леонтьев, 1975], Д.А. Леонтьев [Леонтьев, 2019].

Арсенал современного знания о феномене понимания продолжает обогащаться теоретическими концепциями, методическими разработками и практическими рекомендациями в рамках таких дисциплин, как философия, социология, психология, педагогика, культурология, семиотика, и т.д., с учетом важных для человека и человеческой цивилизации сфер жизнедеятельности. Предметом настоящей статьи являются технологии (приемы, способы, навыки), которые использует (может использовать) сознание для понимания в одной из важнейших сфер человеческой жизнедеятельности — сфере социальной коммуникации, охватывающей фактически все формы и способы общения и взаимодействия людей: друг с другом, с авторами, обществом, управленческими структурами, группами и т.д. Актуальность такого ракурса изучения бесспорна: выявление закономерностей в латентных механизмах понимания в этой столь важной для каждого человека сфере позволит осуществлять поиск путей и способов их совершенствования. В числе позитивных для общества выгод окажется массовое умение и привычка к диалогу с взаимопониманием; обнулится эффект от манипуляций, что особо важно в ситуации современных информационных войн и «двойных стандартов»

Основные положения и выводы настоящей статьи опираются на ключевые положения семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации¹ [Дридзе, 1984; Дридзе, 2000а], в рамках которой много лет работает автор.

О предмете понимания в сфере социальной коммуникации.

К настоящему времени более других разработаны технологии (способы) понимания в сфере технократической, начиная от простых арифметических действий и заканчивая сложнейшими формулами и законами. По сути дела, это некие константные алгоритмы, следуя которым сознание при наличии необходимых знаний и навыков приходит к искомому результату. Известно мнение классика литературы и философской мысли Л.Н. Толстого о том, что «математика имеет задачей не обучение счислению, но обучение приемам человеческой мысли при исчислении» [Толстой, 1936: 6]. Обратим внимание на существенное ограничение: речь идет об обучении необходимым приемам *при исчислении*. Владение «приемами человеческой мысли» в сфере социальной коммуникации, в которую буквально с рождения «погружен» каждый из нас,

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

¹ Автор семиосоциопсихологической концепции — доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник ИС РАН Т.М. Дридзе (1930–2000).

не менее необходимо, учитывая всеохватность социально значимых процессов, напрямую или косвенно зависящих от влияния этого феномена.

Понимание в сфере социальной коммуникации традиционно связывают со смыслами и значениями; порой авторы употребляют оба термина, не дифференцируя их, и даже как синонимы. Чаще, однако, при использовании термина «значение» подразумеваются простые, одноходовые ментальные процедуры, в то время как термин «смысл» чаще предполагает сложный, непростой путь к пониманию (познанию). В любом случае мы можем говорить о виртуальном характере любых значений и смыслов, даже тех, которые имеют эквиваленты в виде материально оформленных знаков (слов, символов, звуков, изображений и т.д.), а также о виртуальности происходящих в сознании воспринимающей личности процессов (понимание всегда происходит «в уме»). Добавим, что знаки различаются особенностями своей виртуальной конструкции, то есть формами. Соответственно, ментальные процессы, необходимые для понимания смыслов и значений, должны соответствовать виртуальным формам воспринимаемых знаков.

В свете нашего анализа ценны разработки семиотики, рассматривающие смыслы и значения как знаки разной степени сложности, независимо от средств выражения, которыми они представлены. В качестве предметного поля в настоящей статье использован самый распространенный вид знаков, где средством выражения оказывается *слово написанное*.

Знаки простые (линейная ментальная процедура). Простейшим предметом понимания оказываются слова и словосочетания, означающие соответствующие им материальные объекты (денотаты). Это знаки простые, понимание которых требует одноходовых ментальных действий: необходимо «в уме» отождествить, «связать» знак с объектом (знак–значение). Это процесс линейный и легко контролируемый.

Знаки сложные (многоходовая ментальная процедура). Предметом понимания также являются знаки сложные, к числу которых относятся фразы, дискурсы, тропы, образы, символы, а также слова, означающие абстрактные понятия. «Простые» значения слов и словосочетаний, из которых формально состоят знаки сложные, будучи выстроенными коммуникатором/автором в желаемой им последовательности и взаимосвязи, модифицируются и обогащаются, преобразовываясь благодаря контексту или художественно-выразительным средствам в знаки сложные. Простая линейность, присутствующая в паре «знак–значение», усложняется, обогащаясь логическими, эмоциональными или эмоционально-логическими «вспышками», образуя новую связку,

чаще с элементами объема: «знак–значение–контекст–троп–новое сложное значение (ощущение, эмоциональное состояние, суждение, вывод)».

Единого определения таких знаков нет, у разных авторов они номинируются и как значения, и как смыслы или смысловые нюансы; принципиальной разницы здесь нет, учитывая непростой ментальный путь и те новые горизонты в познании мира, которые открываются в результате их «освоения». Сложные знаки нередко приобретают дополнительные, не предусмотренные автором нюансы в прочтении их значений/смыслов, обусловленные личностными особенностями воспринимающего человека: знаниями, жизненным и эмоциональным опытом, возрастом, состоянием здоровья, склонностью к творчеству или фантазиям. Такая особенность восприятия сложных знаков объясняется отсутствием жесткой детерминации между образующими их элементами и, следовательно, некоторой расплывчатостью/многозначностью контекста; формально (на уровне формы) это зачастую поточная система «открытых» значений.

Если представить сложный знак в графическом исполнении, получится цепочка последовательных элементов разной степени значимости, которую воспринимающей личности следует «пройти», повторить на ментальном уровне, ориентируясь и на контекст, и на свои знания, эмоции и ассоциации. Для понимания сложных знаков требуются внимательность, старание, логические способности, воображение, эмоциональный и жизненный опыт, художественное чувство.

Знаки мета-уровня (объемная многоуровневая ментальная процедура). Несравненно большая доля виртуальности — буквально высшая математика для ума — требуется при понимании глубинных смыслов, таящихся в художественных, публицистических и иных произведениях, а также в пропагандистских кампаниях; понимание таких смыслов требует специфических навыков, особого рода ментальной тренированности. Прежде чем вести дальнейший анализ, отметим факт наличия принципиальных расхождений о предмете понимания в рамках мета-знаков в современных концепциях, посвященных социальной коммуникации [Адамьянц, 2014].

Вот уже несколько десятилетий и за рубежом, и в нашей стране явные приоритеты в представлениях о смысле и его понимании имеют *современные герменевтические концепции*, развившиеся в 1950–1970-е гг. под эгидой идей постмодернизма. Согласно этим концепциям, нет и не может быть единого смысла в целостных произведениях, материалах и т.д. Поскольку восприятие и понимание индивидуальны, есть только множественные и

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

личностные смыслы и значения в рамках слов, фраз, дискурсов, образов [Gadamer, 1976; Дильтей, 1996]. Есть также выводы, догадки, предположения, идеи, которые могут совпадать, а могут и не совпадать с мотивацией автора, которая сама по себе предметом внимания не является.

Аналогичными оказались представления о смысле и его понимании у представителей континентальной философии (*структуралистов* и «*постструктуралистов*» [Фуко, 1994; Луман, 2004]), сосредоточивших сферу анализа на словах и фразах, что повлекло за собой появление термина «лингвистический поворот». Успешность в понимании связывается у приверженцев данных концепций либо с накоплением новой для воспринимающего субъекта информации (фактологической, практической, содержательной), стимулированием любознательности, либо с появлением новых самостоятельных выводов, умозаключений, предположений, то есть с интерпретированием. Следовательно, если воспользоваться терминологией настоящей статьи, рассматривать целостные произведения/материалы как знаки мета-уровня нецелесообразно, поскольку они состоят из «набора» отдельных, никак не связанных между собой сложных и простых знаков.

Иная позиция представлена в *семиосоциопсихологической концепции социальной коммуникации*, разработанной в рамках российской академической науки [Дридзе, 1984; Дридзе, 2000б]: здесь декларируется константность смысловых доминант в рамках целостных, завершенных коммуникативных актов. Следуя логике обозначенных противоречий, возникает следующая социально значимая дихотомия: диалог с взаимопониманием возможен — никакого взаимопонимания не может быть.

Парадигмальная специфика семосоциопсихологии. Принципиально важной особенностью этой концепции является *представление о смысле как о иерархически организованной виртуальной структуре* («тексте», по Т.М. Дридзе) *взаимоподчиненных коммуникативно-познавательных программ, ориентированных на интенциональность коммуникатора/автора*. Понятие «интенция» (цель, намерение, стремление), пришедшее из античной философии и средневековой схоластики, а позднее взятое на вооружение экзистенциальной и феноменологической философией, здесь расширено и уточнено: это «*равнодействующая мотивов и целей (точнее — искомого результата) деятельности, общения и взаимодействия людей с окружающим их миром*» [Дридзе, 2000а: 16]. Соответственно, термин «интенциональность» используется для обозначения формулировки «равнодействующей мотивов и целей» конкретного коммуникативного акта.

Еще одно важное положение связано с утверждением тождества между интенциональностью конкретного коммуникативного акта и его смыслом: и то, и другое являются *самым главным, что хотел сказать, передать, выразить (или утаить) коммуникатор/автор*, причем и на уровне осознанных целей, и на уровне не всегда осознаваемых мотивов. *Смыслом целостных, завершенных коммуникативных актов, следовательно, является интенциональность коммуникатора/автора, реализуемая на виртуальном плане посредством многоуровневых структур взаимоподчиненных коммуникативно-познавательных программ.*

Предмет понимания здесь конкретен и объективен: понять надо коммуникативную интенцию, которая латентно, а в некоторых случаях и явно наличествует в целостном, завершенном коммуникативном акте.

Внимание к мотивации и целеполаганию автора имеет в истории человечества многовековую традицию, начиная от дошедших до нас древних источников и преданий. Согласно древним мифам, например, главная функция посланника богов Гермеса состояла в сообщении людям воли богов, передаче их указаний и повелений, суть которых, конечно же, следовало донести без искажений, изменений и пресловутой «многозначности» (хотя, как известно из тех же источников, Гермес не всегда был точен). Известны также размышления критиков и аналитиков в сфере художественного творчества о взаимозависимости между биографиями и мировоззрением авторов и латентной мотивацией их произведений.

Как это ни покажется парадоксальным, идея множественности смыслов не отвергается и семиосоциопсихологией, однако — множественности смыслов личностных, в рамках индивидуальных «картин мира». С одной стороны, интенциональность автора константна, поскольку в рамках произведения *уже «овеществилась»* посредством слов, фраз, дискурсов, прочих средств выражения; к тому же особенности их взаимодействия между собой жестко детерминированы «работой» на донесение «равнодействующей мотивов и целей» автора. С другой стороны, складывающиеся в результате восприятия этого же произведения нюансы и оттенки личностных «картин мира» индивидуальны, их столько же, сколько и людей. При этом интенциональность автора может стать элементом личностной «картины мира», а может и не стать, в силу разных причин и обстоятельств. Оптимальный вариант предполагает умение сначала адекватно понять интенциональность автора и только затем соглашаться или не соглашаться, «включать» в «картину мира» или проигнорировать.

Вернемся, однако, к ключевым положениям анализируемой нами концепции. «Работающие» на донесение латентных смыслов

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

многоуровневые структуры, которые всегда наличествуют в целостных, завершенных коммуникативных актах, состоят (могут состоять) из следующих иерархически организованных уровней: 1) интенция – равнодействующая мотивов и целей общения; 2) тезисы–антитезисы; 3) аргументы–контраргументы; 4) иллюстрации; 5) фоны; 6) фоны к фонам².

«Наборы» структурных уровней и особенности их взаимодействия между собой в разных произведениях различаются и зависят от воли и решения коммуникатора/автора. В реальном временном следовании уровни структуры, как правило, располагаются не линейно, а в прихотливом, одним автором определенном порядке: сначала, например, могут идти второстепенные или третьестепенные уровни, «накладываясь» при этом друг на друга, затем — элементы четвертого или пятого уровня, а интенция (смысл) чаще всего «прячется» между слов. Будучи «материализованной» посредством слов, фраз и т.д., виртуальная структура принимает некую неизменяемую, константную форму, что в комплексе, на уровне диалогического единства «форма-содержание», делает произведение индивидуальным, неповторимым. Возникает ассоциация с представлением Аристотеля об энтелехии как «форме, осуществляющейся в материи»; здесь, однако, форма не задается свыше, как следует из философско-теологической концепции мыслителя, а создается непосредственно в процессе творческого поиска коммуникатора, стремящегося реализовать свою интенциональность посредством доступных ему средств и приемов.

Метод мотивационно-целевого анализа, разработанный в рамках анализируемой нами концепции, позволяет «проявить» латентную структуру и сформулировать авторскую интенцию. Процедура состоит в выделении (в рамках анализируемого произведения) коммуникативно-познавательных программ, в соответствии с приведенными выше иерархически организованными уровнями. Стройность и взаимосвязь уровней структуры, невозможность выстроить их иным способом служат доказательством верности искомого смысла и, соответственно, процедуры анализа.

Предложенный подход к поиску латентных смыслов созвучен традициям классической философской мысли. Так, по утверждению древнегреческого философа Платона, постижение сложных явлений требует построения неких условных схем, состоящих из непротиворечивых элементов/рассуждений; при этом искомое

² В разработках поискового плана Т.М. Дридзе выделяла уровни коммуникативно-познавательных программ с гораздо большей степенью подробности: 1-й установочный тезис, 2-й, 3-й, и т.д. [Дридзе, 1984: 88–92].

знание дает не сама схема, а возникающее, благодаря умственно-му постижению, новое определение/идея. Напомним также об известной триаде Гегеля «понимание–диалектическое суждение–спекулятивное суждение», а также о более поздней по времени создания триаде К. Маркса «тезис–антитезис–синтез». В нашем же случае мы имеем дело с многоуровневой латентной структурой, где диалектически взаимодействуют, создавая тем самым новые ступени для углубленного понимания, не только тезисы–антитезисы, но и подчиненные/соподчиненные аргументы–контраргументы, иллюстрации–контриллюстрации и т.д., для «овеществления» которых в произведении могут использоваться различные художественно-выразительные средства (в мотивационно-целевой структуре их роль чаще соответствует уровням фонов и фонов к фоном).

Задачу понимания общего замысла произведения декларирует и *объективная герменевтика* [Oevermann, 1987]; метод понимания здесь связан с сокращением и отбрасыванием контекстов–ситуаций и, далее, с созданием единой истории с непротиворечивым смыслом. При таком варианте ментального поиска задача выявления интенциональности автора не стоит; к тому же не исключены случаи произвольных толкований или невольных ошибок.

Особенности понимания мета-знаков: эксперименты, наблюдения, гипотезы. Поскольку каждый отдельный коммуникативный акт таит в себе латентный мета-знак, представляющий собой виртуальную структуру, посредством которой автор пытался донести свою интенциональность, для достижения понимания необходимо «добиться» до вершины: здесь кроется латентный смысл. Путь к пониманию многоэтапный: следует включить в анализ значения простых и сложных знаков, а также новые значения и смысловые нюансы, которые возникают в рамках их взаимодействий, ознакомиться с сюжетом и соотнести содержание с уже знакомыми знаниями и сведениями. Однако главным для решения обозначенной задачи оказывается умение выделить и ранжировать на ментальном уровне уровни латентной структуры (главные, второстепенные, третьестепенные и т.д.), в числе которых могут быть как вербальные, так и невербальные образно-эмоциональные элементы, попутно «проигнорировав» нелинейность их фактического следования. Задача, не подвластная искусственному интеллекту, особенно в той ее части, которая связана с включением в анализ образно-эмоциональной сферы. А вот люди — к сожалению, не все — справляются с нею без особых усилий; речь идет не об обязательном согласии с автором, а только об умении *адекватно* (так, как это есть на самом деле) понять его интенциональность.

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

Об особенностях и результативности пути к адекватному пониманию говорят исследовательские данные, прослеживающие траекторию ментальных следов³ при восприятии респондентами предложенных им произведений. Процедура состоит в сопоставлении выявленной посредством *метода мотивационно-целевого анализа* константной структуры изучаемого произведения с особенностями ее отражения в ответах на вопросы анкеты о том, *что автор хотел сказать, передать, выразить*. Результатом оказывается возможность выделения условных групп, различающихся особенностями понимания латентных смыслов: группа адекватного понимания; группа частично адекватного понимания; группа неадекватного понимания.

Умение понять константный смысл на протяжении нескольких десятилетий обнаруживают от 14 до 25–30 % респондентов⁴ (*группа адекватного понимания*); «разброс» в цифрах связан со степенью сложности содержания, жанровыми особенностями, убедительностью автора [Дридзе, 1984; Адамьянц, 2017].

Ментальные технологии значительного количества наших современников (от 30 до 35–40 %) связаны с накоплением и запоминанием содержательной информации. Проекция следов ментальных процессов у таких респондентов (*группа частично адекватного понимания*) ограничена уровнями аргументов или иллюстраций; верхние позиции в мотивационно-целевых структурах воспринятых произведений — те, где «таятся» авторские цели и мотивы, — остаются вне поля их внимания.

Особенности ментальных процессов у представителей еще одной группы (также от 30 до 35–40%) практически никак не связаны со структурными особенностями воспринятых произведений: ни аргументов, ни тезисов, тем более авторской интенциональности они попросту не замечают (*группа неадекватного понимания*). Такие респонденты, несмотря на договоренность, либо вообще

³ Прослеживание следов ментальных процессов напоминает принцип обнаружения следов невидимых частиц в камере Вильсона, которую используют физики.

⁴ Речь идет о данных проекта «Общественное мнение», реализованном под руководством российского социолога Б.А. Грушина (1969–1974, всего опрошено 300 человек), а также о данных серии проектов РФФИ с использованием аналогичных методов и подходов, реализованных под руководством Т.З. Адамьянц: «Развитие коммуникативных навыков личности в зависимости от степени диалогичности информационной среды (2008–2010, всего опрошено 257 человек); «Качественные индикаторы процессов самоорганизации и самоопределения в социуме» (2011–2013, всего опрошено 225 человек); «Задачи и методы социоментального развития современной молодежи: теория, исследования, эксперименты» (2015–2017, всего опрошено 213 человек); все исследования позиционируются как качественные.

не дают ответов, либо «выхватывают» из содержательной ткани отдельные факты и вводят их в собственную систему умозаключений, сообщая о своих обидах, мечтах, жизненном опыте, познаниях; иными словами, отвечают на вопросы, которые им не задавали [Адамьянц, 2012].

Распространено мнение, что процесс понимания начинается с внимания к подробностям и нюансам; напомним об известном выражении «Бог кроется в деталях». Однако, как показывают приведенные выше данные, факт запоминания деталей или подробностей не всегда приводит к пониманию: для успешного результата воспринимающая личность должна изначально обладать навыками многоуровневого ментального поиска. При наличии таких навыков начинает действовать механизм *андукции* — восходящей к идеям Аристотеля познавательной процедуры, основанной на ментальных перемещениях «снизу-вверх» и попутно на выдвижениях и опровержениях гипотез [Peirce, 1956].

При наличии необходимых для адекватного понимания навыков сознание успешно справляется с возникающими в процессе восприятия барьерами и преградами. Приведем в этой связи данные уже упоминавшегося проекта «Общественное мнение». Смогли понять смысл сложного газетного текста на экономическую тему 14 % участников эксперимента. Однако 2 % из числа этих же самых респондентов не справились с предложенным им тестом «словарь газеты»; в данном случае факт незнания значений слов и терминов не оказался помехой для адекватного понимания [Дридзе, 1984: 172]. Можно предположить, что возник — воспользуемся лингвистическим термином — *контекст*, но не как результат взаимодействия значений слов или фраз, а как результат взаимодействия уровней латентной структуры, при котором недостающие уровни (или их части) восполняются теми, что сознание уже «освоило». Эффект «контекста уровней» может привести к пониманию латентных смыслов и при других ситуациях, связанных, например, с незнанием каких-то фактов, событий, персоналий.

В поиске аналогий с феноменом различий в технологиях, которые использует сознание в сфере социальной коммуникации, обратимся к разработкам известного философа и психолога К.Г. Юнга об архетипах, которые он определял как «общие символы или априорные структуры, воспринимаемые на инстинктивном уровне». Архетип, по Юнгу, определяется «не содержанием, но формой, да и то весьма условно»; он пуст и чисто формален, это всего лишь некая «неопределенная структура», которая может принимать определенную форму только в проекции, наполняясь содержанием [Юнг, 1998: 27]. Сходств между рассматриваемым

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

нами феноменом понимания в сфере социальной коммуникации и архетипами Юнга немало: в социуме реально «живут» (имеют устойчивость) различные ментальные технологии, которыми, не задумываясь об этом, «пользуются» большие группы людей, что влияет на особенности их *социализации и социальной адаптации* и в целом на тенденции и вектор социально значимых процессов. Прослеживается также взаимосвязь между «набором» функционирующих в социуме ментальных технологий и привычными для представителей разных групп виртуальными формами разной сложности и конфигурации: от простых линейных до объемных многоуровневых. Поскольку путь к пониманию смысла воспринятых произведений связан с «освоенными» сознанием формами, преимущества многоуровневой формы очевидны.

Решение сложных задач через призму сложных форм продуктивно не только в сфере социальной коммуникации, но и в точных науках. Так, известный математик Ж. Адамар утверждал, что вместо слов он «пользуется пятнами неопределенной формы» [Адамар, 1970]. Не менее известный математик Анри Пуанкаре рассказывал о неких неподвижных «атомах», которые после начала умственной работы приходят в движение, пока не обнаружится искомое решение, причем «атомы больше не возвращаются в свое первоначальное состояние» [Пуанкаре, 1909].

В наблюдениях вышеназванных ученых нет информации о том, состоит ли «набор» неподвижных поначалу «атомов» только из фактологических и логически целесообразных значений и смыслов, или включает также и компоненты образно-эмоциональной сферы. Но вот в сфере социальной коммуникации путь к адекватному пониманию предполагает не только необходимые при поиске научных решений вышеназванные компоненты, но заодно и «проявленные» на ментальном уровне компоненты образно-эмоциональной сферы как коммуникатора, так и непосредственно самой воспринимающей личности; в этом нюансе, собственно, и заключается коренное отличие возможностей *человека понимающего* от возможностей современных цифровых устройств.

В любом случае все необходимые для понимания воспринятого произведения компоненты (и логические, и фактологические, и образно-эмоциональные) должны — воспользуемся терминологией А. Пуанкаре — «прийти в движение» и в результате принять многоуровневую ментальную форму, состоящую из взаимосвязанных и взаимоподчиненных уровней, причем не в произвольном или в силу каких-то причин приемлемом порядке, а с ориентацией на выявленную в процессе поиска авторскую интенцию.

Вместо заключения. Возможно ли развитие навыков понимания в сфере социальной коммуникации? На такую

возможность автор семисоциопсихологической концепции указывала еще несколько десятилетий тому назад: «названная характеристика... поддается формированию в процессе обучения» [Дридзе, 1984: 221]. Высказанное Т.М. Дридзе утверждение было апробировано в рамках упоминавшегося нами проекта РФФИ «Задачи и методы социоментального развития современной молодежи: теория, исследования, эксперименты». Результаты проведенного эксперимента показали положительную динамику: число респондентов, сумевших адекватно понять латентные смыслы воспринятых произведений, возросло⁵.

Увеличение в обществе людей, способных к пониманию латентных смыслов в воспринятых произведениях, а, следовательно, и к адекватному ориентированию в социокультурной среде, социально значимо. Ценна такая способность и для каждого отдельного человека. Для дополнительного доказательства этих, в общем-то, бесспорных утверждений дополним наше повествование сообщением о результатах многоуровневого анализа всех вопросов, заданий и тестов, использованных при реализации вышеупомянутого проекта. Сопоставление полученных данных позволило сделать вывод о более высокой степени социализации и социальной адаптации тех респондентов, которые изначально проявили способность к адекватному пониманию. Имеются в виду данные о таких личностных характеристиках, как представления о желательном и нежелательном; знание актуальных проблем современной России; характеристики качеств любимых персонажей; эмоциональное восприятие «мира вокруг»; обращение к СМИ, Интернету, художественной литературе, посещение театра, кино, и т.д. [Адамьянц, 2017].

⁵ Эксперимент проходил в студенческих группах в рамках дисциплин по социальной коммуникации. Процедура состояла из двух этапов знакомства с текстами одинаковой степени сложности, которые следовало проинтерпретировать (попытаться сформулировать главное, что хотел сказать автор). Между первым и вторым этапами студенты получили комплекс лекционных и практических сведений об основных принципах метода мотивационно-целевого анализа, владение которым позволяет «видеть» в воспринимаемых произведениях латентные многоуровневые структуры, ориентированные на авторскую интенциональность. Пригодными для анализа оказались анкеты 53 студентов — тех, кто принял участие во всех этапах эксперимента. Результаты показали положительную динамику. Например, при сравнении особенностей понимания латентных смыслов в стихотворении А. Блока (в начале эксперимента) и в стихотворении В. Маяковского (по окончании эксперимента, после специальных занятий) оказалось, что показатели адекватного понимания возросли от 17 до 25 %; показатели частично адекватного понимания возросли от 34 до 43 %; показатели неадекватного понимания уменьшились от 49 до 32 % [Адамьянц, 2017: 75].

Поскольку возможность массового развития навыков понимания в сфере социальной коммуникации оказывается вполне реальной, Россия может и должна стать средоточием понимающих, а значит, мудрых людей.

Understanding in the field of Social Communication as a Mental Technology

Tamara Z. Adamyants

Doctor of Sociology, Professor, Main Researcher.

The Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

24/35, bld. 5, Krzhizhanovskogo str., Moscow 117218, Russian Federation.

ORCID: 0000-0002-3911-2769

tamara-adamiants@yandex.ru

Abstract. Mental technologies (techniques, methods, skills) that consciousness (mind) uses for understanding in the field of social communication are the focus of this article. In accordance with the key provisions of the semio-sociopsychology concept, in line with which the article is made, the success of understanding in the field of social communication is associated with such technologies that allow you to “see” in any holistic, complete communicative act latent multi-level structures, the top of which is the author’s intentionality, or constant meaning. A series of studies using the method of motive-targeted analysis allowed to designate the parameters of groups of people who differ in the quality of understanding of constant meanings in the perception of holistic, completed works. A relationship has also been found between the quality of understanding the intentionality of the author and the virtual forms through which consciousness “masters” the perceived work: from widespread linear to rarer multi-level, voluminous. The recorded fact of different quality of understanding in the field of social communication allowed to draw an analogy with the theory of the collective unconscious and the phenomenon of archetypes in the interpretation of C.G. Jung. Various mental technologies, which are used by large groups of people, really “live” in society, which affects the features of their socialization and social adaptation and, in general, the trends and vector of socially significant processes. However, thanks to the developments of Russian academic science, comprehension skills in the field of social communication can be improved; the experiments carried out show a positive trend.

Keywords: understanding; social communication; meaning; semio-sociopsihology; intent; method of motive-target analysis; mental technologies; consciousness; mind; Jung archetypes; social adaptation.

For citation: Adamyants T.Z. Understanding in the field of social communication as a mental technology // Chelovek. 2023. Vol. 34, N 1. P. 51–67. DOI: 10.31857/S023620070024827-6

Литература/References

- Абушенко В.Л. Понимание // Социология. Энциклопедия / сост. А.А. Грицанов, В.Л. Абушенко, Г.М. Евелькин, Г.Н. Соколова, О.В. Терещенко. Мн.: Книжный Дом, 2003.
- Abushenko V.L. Ponimanie [Understanding]. *Sotsiologiya. Entsiklopediya* [Sociology. Encyclopedia], compil. by A.A. Gritsanov, V.L. Abushenko, G.M. Evelkin, G.N. Sokolova, O.V. Tereshchenko. Minsk: Knizhnyi Dom Publ., 2003.
- Адамар Ж. Исследование психологии процесса изобретения в области математики / пер. с фр. М.А. Шаталова, О.П. Шаталовой. М.: Советское радио, 1970.
- Hadamard J. *Issledovanie psihologii processa izobreteniya v oblasti matematiki* [An eassay on the psychology of invention in the mathematical field], transl. from French by M.A. Shatalov, O.P. Shatalova. Moscow: Sovetskoye Radio Publ., 1970.
- Адамьянц Т.З. Концепции понимания в коммуникации: в поисках платформы для взаимопонимания // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 121–131.
- Adamyants T.Z. *Koncepcii ponimaniya v kommunikacii: v poiskah platformy dlja vzaimoponimaniya* [Concepts of Understanding in Communication: In Search of a Platform for Mutual Understanding]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. 2014. N 4. P. 121–131.
- Адамьянц Т.З. Массовое социоментальное развитие: миф или реальная возможность? // Общественные науки и современность. 2012. № 1. С. 27–38.
- Adamyants T.Z. *Massovoe sociomental'noe razvitie: mif ili real'naja vozmozhnost'* [Mass Sociomental Development: Myth or Real Possibility?]. *Obschestvennye nauki i sovremennost'*. 2012. N 1. P. 27–38.
- Адамьянц Т.З. Задачи и методы социоментального развития современной молодежи // Мир психологии. 2017. №1 (89). С. 69–78.
- Adamyants T.Z. *Zadachi i metodu sociomel'nogo razvitiya sovremennoy molod'odgi* [Tasks and methods of sociomental development of modern youth]. *Mir psihologii*. 2017. N 1(89). P. 69–78.
- Александр Дж., Смит Ф. Сильная программа в культурсоциологии // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9, № 2. С. 11–30.
- Alexander J., Smith Ph. *Sil'naya programma v kultursociologii* [Strong Program in Cultural Sociology]. *Sotsiologicheskoye obozreniye*. 2010. Vol. 9, N 2. P. 11–30.
- Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. М.И. Левиной. М.: Прогресс, 1990. С. 602–643.
- Weber M. *Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya* [Basic concepts in sociology]. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works], transl. from Germ. by M.I. Levina. Moscow: Progress Publ., 1990. P. 602–643.
- Гуссерль Э. Амстердамские доклады II // Логос. 1994. № 5. С. 7–24.
- Husserl E. *Amsterdamskie doklady II* [Amsterdam Reports]. *Logos*. 1994. N 5. P. 7–24.
- Дильтей В. Описательная психология / пер. с нем. СПб.: Алетейя, 1996.

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология

W. Dilthey *Opisatel'naya psihologiya* [Descriptive Psychology and Historical Understanding], transl. from Germ. St. Petersburg: Aletheia Publ., 1996.

Дридзе Т.М. Две новые парадигмы для социального познания и социальной практики // Социальная коммуникация и социальное управление в эокантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. Кн. 1. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 5–42.

Dridze T.M. Dvenovye paradigmy dlja social'nogo poznanija i social'noj praktiki [Two New Paradigms for Social Cognition and Social Practice]. *Social'naja kommunikacija i social'noe upravlenie v jekoantropocentricheskoj i semio-sociopsihologicheskoj paradigmah*: v 2 kn. Кн. 1. [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books. Book 1]. Moscow: IS RAS Publ., 2000. P. 5–42.

Дридзе Т.М. От герменевтики к семиосоциопсихологии: от «творческого» толкования текста к пониманию коммуникативной интенции автора // Социальная коммуникация и социальное управление в эокантропоцентрической и семиосоциопсихологической парадигмах: в 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2000. С. 115–137.

Dridze T.M. Ot germenевтики k semiosociopsihologii: ot «tvorcheskogo» tolkovanija teksta k ponimaniy kommunikativnoj intencii avtora [From hermeneutics to semio-sociopsychology: from the “creative” interpretation of the text to the understanding of the communicative intention of the author]. *Social'naja kommunikacija i social'noe upravlenie v jekoantropocentricheskoj i semio-sociopsihologicheskoj paradigmah*: v 2 kn. Кн. 2. [Social communication and social management in ecoanthropocentric and semiosociopsychological paradigms: in 2 books. Book 2]. Moscow: IS RAS Publ., 2000. P. 115–137.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М.: Наука, 1984.

Dridze T.M. *Tekstovaja dejatel'nost' v structure social'noj kommunikacii* [Text activity in the structure of social communication]. Moscow: Nauka Publ., 1984.

Знаков В.В. Понимание в мышлении, общении, человеческом бытии. М.: Институт психологии РАН, 2007.

Znakov V.V. *Ponimanie v mushlenii, obcthenii, thelovetheskom butii* [Understanding in Thinking, Communication, human being]. Moscow: Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences Publ., 2007.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Leontiev A.N. *Deyetel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activities. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat Publ., 1975.

Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2019.

Leontiev D.A. *Psihologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoy real'nosti* [Psychology of Meaning: Nature, Structure, and Dynamics of Semantic Reality]. Moscow: Smysl Publ., 2019.

Луман Н. Общество как социальная система / пер. с нем. А. Антоновского. М.: Логос, 2004.

Luhmann N. *Obschestvo kak social'naya sistema* [Society as a Social System], transl. from Germ. by A. Antonovsky. Moscow: Logos Publ., 2004.

- Пуанкаре А. Математическое творчество // Вестник опытной физики и элементарной математики (В.О.Ф.Э.М.). 1909. Вып. 483. С. 57–63.
- Poincare H. Matematimaticheskoye tvorstvo [Mathematical creativity]. *Vestnik oputnoy fiziki i elementaroy matematiki (V.O.F.A.M.)* [Bulletin of Experimental Physics and Elementary Mathematics]. 1909. Issue 483. P. 57–63.
- Рикер П. Модель текста: осмысленное действие как текст / пер. с англ. А. Борисенковой // Социологическое обозрение. 2008. Т. 7, № 1. С. 25–43.
- Ricoeur P. Model' texta: osmyslennoye dey'stviye kak text [The Model of the Text: Meaningful Action Considered as a Text], transl. from Engl. by A. Borisenkova. *Sotsiologicheskoye obozreniye*. Vol. 7, N 1. P. 25–43.
- Толстой Л.Н. Педагогические статьи 1860–1863 гг. // Полное собрание сочинений. Т. 8. М.: Художественная литература, 1936.
- Tolstoy L.N. Pedagogicheskie stat'i 1860–1863 gg. [Pedagogical articles of 1860–1863]. *Polnoye sobranie sochineniye* [Complete Works]. Vol. 8. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 1936.
- Фуко М. Слова и вещи: Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994.
- Foucault M. Slova i vesthi: Archeologiya gumanitarnukh nauk [The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences], transl. from French by V.P. Vizgin, N.S. Autonomova. St. Petersburg: A-cad Publ., 1994.
- Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. В.Г. Николаева, С.В. Ромашко, Н.М. Смирновой. М.: РОССПЭН, 2004.
- Schutz A. Izbrannoye: Mir svetyatshiysya smyslom [Selected works: A World Shining Meaning], transl. from Germ. and Engl. by V.G. Nikolaev, S.V. Romashko, N.M. Smirnova. Moscow: ROSSPEN Publ., 2004.
- Юнг К.Г. Бог и бессознательное / пер. с нем. Т. Ребеко, В. Териной. М.: Олимп, 1998.
- Jung C.G. Bog i bessjznatil'noe [God and the Unconscious], transl. from Germ. by T. Rebeko, V. Terina. Moscow: Olimp Publ., 1998.
- Gadamer H.-G. *Philosophical Hermeneutics*, transl. and ed. by D.E. Linge. Berkeley: Univ. of California Press, 1976.
- Oevermann U., Allert T., Konau E., Krambeck J. Structures of Meaning and Objective Hermeneutics. *Modern German Sociology*, ed. by V. Meja, D. Misgeld. New York: Columbia Univ. Press, 1987.
- Peirce Ch. *Collected Papers*. Vol. 6. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard Univ. Press, 1956.

Т.З. Адамьянц
Понимание
в сфере соци-
альной ком-
муникации как
ментальная
технология